

Олег Верещагин

КЛИЧ МЯТЕЖНИКОВ

(из истории будущего Юга)

Олег Верещагин

**Клич мятежников.
Из истории будущего Юга**

«Издательские решения»

Верещагин О.

Клич мятежников. Из истории будущего Юга / О. Верещагин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934964-4

С очень высокой вероятностью будущее США начнётся именно так, как показано в этой книге. А каким оно станет в итоге и будет ли оно вообще — зависит от народа этой страны. Которому ещё предстоит появиться.

ISBN 978-5-44-934964-4

© Верещагин О.
© Издательские решения

Содержание

1 глава. НА ПЛАТАНОВОЙ УЛИЦЕ	6
2 глава. БРАТ ПО ЯРОСТИ	15
3 глава. СМЕРТИ НЕТ, УИЛФ	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Клич мятежников Из истории будущего Юга

Олег Верещагин

© Олег Верещагин, 2018

ISBN 978-5-4493-4964-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается солдату Конфедерации Сэмьюэлю Клеменсу и его книгам, которые в очередной раз запрещают в США. На этот раз – в угоду тупой толерантной политкорректности.

**Мятежником решил я оканчивать войну,
И сыт по горло сказкой про «вольную страну»!
Джеймс Рэндольф. «Мятежник»**

ОТ АВТОРА

Для лучшего понимания сюжета повести рекомендуется прочесть повесть Олега Верещагина «Никто, кроме нас!» (изд. ЭКСМО. 2012 г.). Впрочем, это не обязательно.

Автор уведомляет читателей, что с глубоким уважением и даже симпатией относится к простому народу США и искренне надеется, что тот наконец-то обретёт себя – вне бессмысленной, но смертельно опасной для разума и души «мультикультурной смеси», нежизнеспособной, однако, смертельно ядовитой. Я от всей души желаю людям США сделать то, что не удалось их предкам в далёкие годы тамошней Гражданской Войны.

1 глава. НА ПЛАТАНОВОЙ УЛИЦЕ

God bless America...

«America»

Четырнадцатилетний Уилф Матмэн на этот раз вернулся из скаутского лагеря на пять дней раньше срока.

Сидя возле окна автобуса, он занимался не очень-то привычным делом – размышлял на отвлечённые темы. Обычно для него это было мучением, вроде писания сочинений. Но сочинение всегда можно было содрать из Интернета.

Вот кстати. Большинство Интернет-сайтов висели уже почти неделю. Уилф нахмурился, глядя рассеянно, как за большим окном автобуса начинаются улицы Талахасси. И что это за спешка с разъездом? Да и вообще, странный какой-то был лагерь. Необычный. Как будто все, сговорившись, играли в какую-то неясную и не очень натуральную игру со старыми и надоевшими правилами. Даже у младших не было заметно обычного неиссякаемого энтузиазма.

Уилф не успел додумать эту мысль – в автобусе зашумели, мальчишки прилипли к окнам. Автобус сбавил ход, снаружи проплыл военный пост. Прямо на улице стояли два джипа и с десятков солдат в полной форме, с винтовками. Офицер говорил по радиации.

– Эй, ты видел? – возбуждённо спросил сосед Уилфа, веснушчатый и непоседливый Эдди Картер. – Как в кино!

– Наверное, власти ожидают вторжение инопланетян, – с надеждой сказал Поль Энио, известный фанат Розуэлла и теории заговора. Сказал, как обычно говорил о таких вещах, серьёзно. С задних сидений послышалось утробное почти хоровое:

– О да, они вернут нам Элвиса.

Автобус грянул взрывом дружного хохота. Поль не обратил на это внимания – он давно и прочно привык к роли гонимого за правду разоблачителя правительственных козней. Ну а Уилф был не в настроении смеяться и снова отвернулся к окну. Автобус как раз проезжал туннелем, и потемневшее стекло, как зеркало, отразило хмуроватые брови, короткий светлый ёжик, чуть вздёрнутый нос, выпяченную верхнюю губу, решительный подбородок и внимательные серые глаза. Этой весной Уилфрид Матмэн стал «американским мальчиком-20...» в своей школе. Правда, с большим трудом оттеснив на второе место афроамериканца с одноимённой причёской «афро» из параллельного класса. Разрыв был минимальный, так как почти все учителя с их двойными голосами стояли за «параллельного». Да и Уилфу потом втихую долго пеняли, что он не понимает всей важности первого места в этом конкурсе для всех афроамериканцев вообще...

...Фу, о чём думаю, как девчонка, с отвращением поморщился Уилф и вдруг улыбнулся. Радостно, очень светло – улыбка отразилась в стекле и умножилась.

Впереди за домами мелькнул здоровенный платан.

Дерево росло во дворе Матмэнов уже двести лет.

* * *

Когда-то платаны росли тут везде. Но Уилф не помнил этого. В раннем детстве он был уверен, что их улица была названа Платановой исключительно из-за платана во дворе Матмэнов – и страшно этим гордился. С платаном были связаны самые приятные воспоминания. Например, о качелях – качелях, сделанных когда-то давно отцом для совсем маленького Уилфа, и привешенных на надёжных цепях к толстой, с древесный ствол, ветке.

Кстати. Входя во двор, Уилф обнаружил, что на качелях сидит его младший брат. Восьмилетний Винс сидел как-то необычно для себя – совершенно неподвижно, благонаравно сложив руки на коленях. Слегка портил благонаравность подарок отца – старый фибровый под-

шлемник, закрывавший голову Винса целиком, даже, так сказать, чересчур. Именно поэтому он и не заметил старшего брата – а Уилф не отказал себе в удовольствии подкрасться и сказать:

– Вуф!!!

– Ой! – Винс соскочил с качелей и немедленно стукнул старшего брата подшлемником по голове. – Я не испугался, я не испугался, не испугался! А ты чего так рано приехал?

– По тебе соскучился, – усмехнулся Уилф, присаживаясь на освободившееся место, ставя рядом рюкзак и отталкивая ногой от земли. – А ты чего тут сидишь?

– К нам пришла миссис о’Лири, – Винс сделал большие глаза и оперся руками о качели. – Она сидит на кухне и плачет, потому что Тома убили в России. Мама выгнала меня и сказала, чтобы я сидел...

– Ты что плетёшь?! – Уилф уперся ногой, останавливая качели. Тома о’Лири, сына соседей, который окончил школу три года назад и сразу завербовался в пехоту, Уилф отлично знал. Том был весёлый, шумный, драчливый, но не злой и очень щедрый парень, Уилф с удовольствием дружил бы с ним, если бы не разница в возрасте. Вообще во Флориде не очень-то много находилось желающих служить в армии, но Платановая улица была исключением. Может быть, потому что с неё когда-то начинался весь город и жили тут всё больше потомки людей, которые считали оружие неотъемлемой частью мужчины? Те, кто всё ещё помнил, что Талахасси когда-то был единственной из столиц мятежных штатов, которую янки так и не смогли взять штурмом? Ведь и Матмэн-старший тоже служил – только во флоте, главным корабельным старшиной на эсминце... – Ты что, заболел?! – повторил Уилф, встряхивая младшего брата за плечи. Но тут же понял, что это вполне может быть правдой. Что в России и вообще в Европе идёт какая-то война, он, конечно, знал, в школе об этом вовсю талдычили под конец учебного года. Естественно было и то, что Америка участвовала в этой войне – ведь сам Господь возложил на родину Уилфа почётную миссию нести справедливость и мир отсталым и заблудшим народам, спасти их от злобных соседей – как, например, рассказывал учитель социологии, сейчас спасают американцы благородных и отважных горцев Кавказа от русских дикарей и их зверств. Уилф знал и то, что в их школе в несколько семей пришли извещения о гибели кого-то из членов. Но тех ребят он и не знал почти. А тут... Он растерянно посмотрел на дом о’Лири за невысоким заборчиком. И тут же повернулся к своему дому – на крыльцо как раз выходили мама и высокая, всё ещё очень красивая и довольно молодая миссис о’Лири. Миссис Матмэн поддерживала соседку, глядя её локоть. Женщины о чём-то говорили, притихшие мальчишки не слышали – о чём. Но неожиданно миссис о’Лири вскрикнула громко, не сдерживаясь:

– Томми, мой Томми! Что они знают?! Что все они могут знать?! Он был самый лучший мальчик, он был умный и добрый! Зачем мне эта бумага?! – она что-то отбросила в сторону. – О Господи, – вдруг зарыдала женщина, – моего мальчика убили, а я даже не могу выговорить название проклятого места, где это случилось! О Господи, миссис Матмэн! Я даже не могу выговорить названия! Я не могу! Верните Томми! Отдайте моего ребёнка!!! Отдайте! Отдайте, будьте вы прокляты!!!

Женщины – шатающаяся и выкрикивающая бессвязные слова и поддерживающая её, тихо что-то шепчущая успокаивающе – пошли к калитке...

...Рухнув на кровать, Уилф устроил у себя на животе большущий атлас. Прикасаться руками к бумажной книге было даже странновато, но Интернет висел по-прежнему, а потом свет вообще выключился и на звонок с подстанции сообщили, что на линии авария. Ладно, сойдёт и атлас.

Разгладив бумажку похищенного внизу в холле со стола извещения, Уилф пробормотал, разбирая чужое слово по буквам:

– Нё... вё... под... клэт... ньойе...

– А что ты делаешь?

Это вперся в их комнату младшенький – уже не только в подшлемнике, но и со штурмовым карабином «кольт» («почтикакнастоящим») наперевес. Пыхтя, влез на кровать брата, и Уилф не стал его прогонять, приобнял и пояснил:

– Вот, я смотрю... где русские убили Тома.

Винс, сунувшись в атлас, провёл не очень чистым пальцем по строчке, пошевелил губами, но так и не осилил зубодробительного названия и опасливо спросил:

– А русские не придут сюда? Если они убивают наших солдат, они же могут прийти, разве нет?

– Дурачок, – фыркнул Уилф, листая испещрённые мельчайшими строчками страницы списка населённых пунктов. – У русских нет ни ракет, ни флота, ни самолётов, они всё пропили и разворовали.

– Как мистер Бинэм? – уточнил Винс. – Он тоже всё пропивает и ворует.

– Угу, точно, – кивнул Уилф, добираясь до «с. Новоподклетного Воронежской обл.».

Винс уточнил:

– Значит, мистер Бинэм тоже русский?

– Нет, он просто пьяница и ворюга, – рассеянно ответил Уилф. – Не ной, смотри молча, а то прогоню.

Теперь уже палец старшего мальчишки блуждал по карте. «Дон,» – это река такая. В голове Уилфа что-то такое появилось – что-то, связанное с казаками. Кажется, на Дону жили казаки. Или казахи? Нет, казахи вроде бы не русские, а казаки – самые русские. Наверное, они и убили Тома. Ух, сколько леса тут! Понятное дело, они прячутся в лесу и исподтишка нападают, как трусы. Ха, вояки. Конечно, теперь всё ясно. Уилф презрительно скривил губы.

– Они никогда сюда не придут, а мы скоро победим, – нравоучительно пояснил он младшему, с восторгом следившему, как небрежно-ловко старший брат обращается с большой непонятной книжкой. – Освободим разных там этих горцев и прогоним русских в их Москву.

– Как из кино? – заинтересовался Винс. – Горцы?

– Наверное, – неуверенно ответил Уилф. – Тома жалко, конечно. Но на войне убивают, это так бывает всегда.

– А мистер Толливер закрыл магазин и куда-то уехал, – вдруг сказал Винс. – И полиция никого не пускает на побережье, потому что там, где афроамериканцы живут, какие-то бандиты стреляют во всех. Это русские?

– Да нет, конечно! – рассердился Уилф. – Что ты за бестолочь?! Откуда здесь у нас возьмутся русские?!

– А вот и есть, а ты просто ничего не знаешь! – запальчиво сказал Винс, садясь на кровати и обеими руками поправляя подшлемник. – Две недели назад их привезли на старые склады, много! Только не взрослые, а мальчишки и девчонки! Мы хотели посмотреть, а нас и оттуда полиция прогнала! А потом ещё оттуда сколько-то сбежали русских, и кого поймали, а кого и нет даже!

Не успел Уилф хоть как-то отреагировать на эту поразительную новость, как в дверях возникла миссис Матмэн. Она была – само спокойствие, словно ничего нигде ни с кем не случилось... и тихонько, но настойчиво царапавшая мальчишку опаска чего-то неясного – улеглась. Мама была обычной, и мир был – обычным.

– Уилф, я дам тебе список и деньги. Возьми тележку и сходи в магазин, но не в супермаркет и не к мистеру Толливеру, он закрылся, – лицо женщины было озабоченным и усталым. – Купи всё, что там написано, у Тимманов. И ради бога, быстро назад.

– Мам, что за русские дети на складах? – удивлённо спросил Уилф. Вместо ответа миссис Матмэн раздражённо отмахнулась, что-то неясно и недовольно пробормотав...

...Почему нельзя в супермаркет – Уилф понял, когда увидел магазин с угла.

Без стёкол, с черными языками подтёков копоти на стене, двухэтажный магазин выглядел декорацией к фильму-катастрофе. Усугубляла впечатление полицейская машина, возле которой стояли двое офицеров, державших руки на револьверах.

– Пожар был, что ли? – пробормотал мальчишка, тормозя тележку и озираясь в поисках кого-нибудь, кто мог бы прояснить ситуацию. Но теперь до него дошло ещё и то, что проспект пустынен. А через миг долетел звук, похожий на треск рвущейся материи. И ещё. И снова. А потом – несколько отдельных выстрелов, и Уилф понял, что это был за треск: он слышал стрельбу из автоматического оружия.

Один из полицейских, внимательно наблюдавший за улицей, подошёл к замершему на углу мальчишке.

– Проходи, сынок, а ещё лучше – иди домой, – угрюмо сказал он. Только теперь Уилф заметил у него за плечом самозарядный ругер. Уилф знал, что в полиции есть такое оружие, но раньше ни разу не видел полицейского с ним на улицах Талахасси. Даже когда в прошлом году полиции пришлось с большим шумом разгонять какую-то байкерскую тусовку на побережье. На секунду глупо показалось, что Винс был прав и в городе русские.

Мотнув головой досадливо, Уилф направился в проулок.

Полицейский вернулся к своему напарнику. Тот слушал рацию.

– Ну что? – спросил разговаривавший с Уилфом. Его напарник вздохнул:

– Уже ничего. Но знаешь, я с утра отправил Эллис прямо в участок и велел сидеть там.

Надеюсь, она послушалась...

...Около магазина Тимманов город выглядел совершенно прежним. Напротив, во дворе жилого дома, с восторженными воплями возились в песке какие-то карапузы. Стояли несколько автомобилей. Тимман-старший, лысоватый здоровяк, перевесив через ремень солидное пивное брюшко, о чём-то разговаривал у дверей с двумя трапперами-французами. Эту публику Уилф знал, они часто навевались в город из болотистых джунглей и вызывали у горожан смех неправильной речью, неуклюжестью и диким видом. Эти двое – в рубашках, джинсах, высоких сапогах и (!) шапках из хвостов енотов – выглядели не менее глупо любого из своих собратьев. Убитый до последней степени древний «шевроле»-пикап принадлежал явно им; кузов пикапа загромождали коробки, поверх них сидел и со скукой смотрел вокруг мальчишка, ровесник Уилфа – такой же смуглый, черноволосый и сероглазый, как и старшие. Остановив взгляд на Уилфе, француз усмехнулся, оттопырил губу и виртуозно спустил на асфальт длинную слюну. И снова уставился в облака.

Поздоровавшись с Тимманом-старшим, поглядевшем на него лишь мельком, Уилф втащил тележку внурь. И удивился.

Тут оказалось немало народу. Обычно магазин Тимманов популярностью не пользовался и явно еле сводил концы с концами – такова была судьба почти всех частных предпринимателей, не способных выдержать изначально неравной конкуренции с супермаркетами в больших городах. А на этот раз в нём находилось человек двадцать, не меньше. Но это было ещё не самым интересным.

Собравшиеся внутри мужчины от 20—25 до 40—50 лет вообще ничего не покупали. Уилф решил бы, что попал на заседание какого-нибудь отделения АСА¹ – рядом с каждым из сидящих или стоящих находилось оружие. Самое разное. В основном – магазинные винтовки для охоты на оленя, но Уилф увидел две М16 и даже «калашников». И одеты все были как охотники или в полувоенное.

¹ 1. Американская Стрелковая Ассоциация – организация любителей стрелкового оружия в США. В значительной степени эта организация политизирована и объединяет не только «чистых» любителей пострелять, но часто белых мужчин, живущих согласно традиционным американским ценностям. АСА всё чаще и чаще подвергается нападкам либералов, как «рассадник расизма, ксенофобии и жестокости». Тем не менее, она объединяет порядка 3 млн. активных членов.

А самое интересное – у каждого на голове была, или лежала рядом, или висела на стволе широкополая серая шляпа.

На Уилфа все уставились не то чтобы недовольно, но как-то... как-то непонятно. Мальчишка уткнулся в список и потащил тележку вдоль полок. Идти посреди тишины под изучающе-пристальными взглядами такого количества людей было жутко, в голову полезли разные мысли, и он еле-еле сдержал облегчённый выдох, когда расплачивался у кассы, за которой стоял Тимман-младший – не в пример своему старшему брату подтянутый, хотя и такой же рослый и уже начавший лысеть.

– Отец-то где? – вдруг спросил Тимман.

– В море, мистер Тимман, – ответил Уилф, запихивая в карман джинсов сдачу.

– В море... – пробормотал тот и гаркнул: – Тихо!

Уилф даже вздрогнул – но это относилось не к нему, а к двум мальчишкам, которые ворвались в магазин, обгоняя друг друга и с явным намерением что-то громогласно сообщить – но осеклись буквально на вдохе. В одном из мальчишек Уилф, проходя мимо, неожиданно узнал своего бывшего одноклассника Томми Ли – и, уже выйдя наружу, поморщился. Ему не нравилось встречаться с этим пареньком.

Траперы уже уехали. Тимман-старший стоял один и смотрел, как где-то за домами поднимаются два густых чёрных хвоста пожаров...

...До десяти лет Уилф с Томми даже дружил. Томми рос с одним отцом, работягой из автомастерской – но рос смелым, умным и решительным мальчишкой, драчуном и заводилой во всех проделках у ровесников. Но, когда ему исполнилось десять – буквально на следующий день после дня рождения – вся жизнь Ли-младшего круто перевернулась.

В автобусе, которым он ехал к отцу, к нему пристали двое афроамериканцев – на год другой старше. В таких случаях белые ребята обычно старались не ссориться, уступить. Дело было не в том, что они так уж боялись афроамериканцев – просто законы штата почти в каждом случае заведомо принимали сторону «угнетённого в прошлом населения». Томми, видимо, решил поступить так же и даже сошёл за две остановки от заправки отца, надеясь, что от него отвяжутся. Но те двое сошли следом и в каком-то переулке попытались обобрать мальчишку.

Подобранным тут же металлически прутом Томми отделал обоих так, что они все-рьёз попали в больницу. И уже через неделю получил полтора года «содержания в исправительно-коррекционном центре штата для несовершеннолетних». Ему дали бы и больше, но в ходе расследования выяснилось, что оба афроамериканских мальчишки достали ножи. Может быть, дали бы меньше, в конце концов, ему было всего десять лет – но на суде Томми вдруг сказал деревянным голосом, что жалеет «что не убил этих ниггеров, а взрослые все – просто трусы и вруны!»...

...Отца Томми уволили с работы. А когда Томми вернулся – Уилф не узнал своего бывшего друга.

Томми сильно вытянулся, раскачался и раздался в плечах. Мальчишка выглядел не на неполные двенадцать, а на все полные четырнадцать лет. Школу он бросил, хотя читал, пожалуй, во много раз больше, чем раньше, а вот говорить почти совсем перестал – словно что-то для себя решил важное и сейчас просто двигался к этой цели, не глядя по сторонам. Уилф как-то незаметно перестал с ним общаться – было неудобно говорить и дружить с человеком, который сидел в тюрьме за расизм... а ещё почему-то было неловко перед самим Томом. А сам Ли не настаивал на продолжении знакомства. Да и пропал он подолгу, потому что к отцу его не раз и не два подкатывались социальные службы – с намерением забрать сына-«асоциала» в фостерную семью. В таких случаях Томми исчезал на пару недель, потом – появлялся снова и жил какой-то своей жизнью в некоем параллельном мире, о котором Уилф ничего не знал, да и не стремился узнать.

А довольно долго – около последнего полугодия – Уилф не видел Томми вообще. И вот на тебе. Правда, сейчас Томми был в распахнутой армейской куртке поверх чёрной майки, джинсах и потёртых сапёрных ботинках с тугой шнуровкой. И ещё подросток, повзрослел. Но выражение лица, короткая стрижка – остались прежними.

– погоди, Уилф, – окликнул он тащащего тележку мальчишку. – Постой, говорю.

Уилф остановился. Томми догнал его, и Уилф увидел, какие у Томми глаза. В них была дикая смесь неясного страха, ожидания непонятно чего, какой-то сумасшедшей жадности, полоумного восторга... Он просто спятил, подумал Уилф. Видно по глазам, он спятил.

– Я хочу сказать, – Томми сглотнул. – Мы с тобой дружили, а что ты потом перестал... я понимаю. Я хочу сказать, – повторил он. – Лучше уезжайте из города.

– Зачем? – удивился Уилф. Томми замотал головой, махнул рукой и спросил:

– У тебя есть оружие?

– Е... есть, – ошарашено ответил Уилф, крепче ухватив тележку, как будто Томми собирался её отнимать.

– Держи под рукой, слышишь? А лучше – уезжайте, я говорю, – повторил Томми и попятился, махнул рукой, повернулся и быстро пошёл к магазину. С другой стороны подкатил грузовичок «тойота», из кузова неспешно слезли четверо мужчин – в полувоенном и всё тех же серых шляпах, сняли длинный и явно тяжёлый свёрток и внесли его в магазин. Один остался на крыльце рядом с Тимманом-старшим и молча закурил длинную чёрную сигару. Остановил Томми за плечо, что-то тихо сказал, и Ли, кивнув, бегом нырнул за магазин...

* * *

Вечером выключили свет. Как раз когда передавали обращение президента к нации. Довольный и широко улыбающийся президент-афроамериканец вещал о гражданском мире и всеобщем спокойствии, о Роли и Миссии Америки – и вдруг оп. Экран погас. Собственно, свет погас вообще везде, и, когда Уилф посмотрел в окно – увидел, что над Талахасси темно, только на юго-востоке что-то горит, и от этого небо там кажется подкрашенным шевелящимися алыми мазками. Смотреть на это было тревожно.

– Отойди от окна, Уилфред, – сказала миссис Матмэн, подходя к сыну.

– Ма, – Уилф резким движением задёрнул оконную шторку. – Что происходит-то? Я ничего не понимаю.

– Я и сама не понимаю, – тихо ответила женщина. – Последнюю неделю творятся такие вещи, что... – вздохнув, она передёрнула плечами. – Иди-ка ты спать, вот что. Винс будет бояться один.

– Ма, – Уилф покусал губу, посмотрел на миссис Матмэн. – А что-нибудь было от папы?

– Он звонил, – миссис Матмэн покачала головой. – Несколько раз, пока ещё мобильная связь работала... Они были в плавании, конечно, он не мог сказать, где... А сейчас я просто ничего не знаю, сынок.

Признание матери ошарашило Уилфа. Он опять отодвинул шторку. Почти тут же послышалась стрельба – вроде бы недалеко, частая. Перебивали друг друга несколько стволов. Потом стрельбу перекрыл рёв полицейских сирен – и что-то где-то взорвалось.

Впервые в жизни Уилф вдруг ощутил себя совершенно незащищённым перед... перед чем? Для него само собой подразумевалось, что о безопасности вокруг заботится масса народу – от полиции до армии. Школьные учителя, суд... просто взрослые, наконец! И вдруг оказалось, что Уилф – один. Совершенно один. Даже хуже – в одном с ним доме (совершенно незащищённом!) маленький брат и женщина – его мама, которая сама растеряна и испугана.

– Всё будет в порядке, мам, иди спать, – сказал Уилф, трогая на своём плече руку женщины. Пальцы миссис Матмэн вздрогнули. Она улыбнулась старшему сыну – жалобно и незащитно. Кивнула. И на самом деле пошла к себе.

А Уилф не привык так рано ложиться спать. Найдя ощупью скаутский фонарик, он обошёл весь дом и проверил окна и двери. Словно бы увидел их новым взглядом – большие стеклянные блоки, их так легко разбить и их так много в доме – мест, где можно пролезть внутрь. В холле снял трубку стационарного телефона. Стационарный телефон работал, и Уилф немного успокоился – но зато боролся с искушением набрать номер полиции, чтобы... а что – **чтобы?** От чего они защитят? От ночи за окнами – ночи в родном городе, в которой что-то происходит? Что-то невнятное и жутковатое, как будто тени шевелятся под заборами и за кустами, как в страшном фильме... Ни при чём тут полиция? И что она будет делать с этим? Он вспомнил полицейских около магазина и только сейчас отчётливо понял: они, оба полицейских, выглядели непонимающими. И испуганными. Да, именно так. Полицейские с оружием были испуганы тем, что происходит вокруг.

Он ещё раз попытался по мобилке набрать номер отца. Но эта связь не работала.

Выходит, что я один. Мы все поодиночке, вдруг подумал Уилф, медленно поднимаясь наверх, в их с братом комнату. Мысль была ему самому не до конца понятна, но она пугала.

Очень.

* * *

Винс и правда не спал – он сидел в кровати, закутавшись в одеяло и громко облегчённо перевёл дух, когда увидел входящего Уилфа. Старший брат нёс в левой руке своё ружьё – шестизарядный «мосберг» HS410. В правой – патронташ. Глаза Винса стали круглыми.

– Уи-и-и-и-илф? – спросил он опасливо.

– Спи, – буркнул Уилф, садясь к столу и кладя рядом фонарик. – Всё нормально, просто авария на станции. Мама сказала, чтобы ты сию секунду спал. Она уже легла.

– А ты? – Винс послушно и облегчённо вытянулся под одеялом.

– Я не уйду, – снова буркнул Уилф, свинчивая крепление цевья и аккуратно его отделив за рукоятку для удержания. Вдохнул, проверил патронташ – там была в основном дробь, дунст для стрельбы по воронам. Но были и с десяток пулевых патронов, «макэлвинов», и Уилф разместил их поближе под руку.

– Зачем ты взял ружьё? – пискнул из-под одеяла Винс.

– Спи, тебе говорю, чистить взял, – ответил Уилф, снимая боевую пружину и магазин. Снял затыльник, свинтил приклад. Разложил части на столе, стал чистить блестящую поверхность магазина тряпочкой. Движения успокаивали. Уилф водил по металлу, глядя в темноту за окном. Непривычную темноту. Уилф поймал себя на мысли о том, что надеется – сейчас вспыхнут электрические огни...

Нет. Только ещё в нескольких местах явно начался пожар, да доносилось до слуха потрескивание выстрелов. Что же творится-то?

– Уилф, это у нас война началась? – тихо спросил Винс.

– Да спи же ты, какая война, просто бандиты, – отрезал Уилф. – Полиция с ними справится. Постреляют и всё.

Он собрал ружьё. Подумал, снарядил магазин пулевыми патронами, ещё один загнал сразу в ствол, поставил помпу на предохранитель и положил оружие на тумбочку возле кровати. Стал неспешно раздеваться.

– Можно к тебе? – хныкнул Винс. Уилф свёл брови:

– Ещё новости! Тебе что, три года?

– Ну Уилф, мне страшноооо... – проныл младший, садясь в постели.

– Иди, – буркнул старший, ставя рядом с кроватью кроссовки и откидывая одеяло. Винс немедленно перебрался со своей кровати под бок к старшему брату. Залез поглубже, повозился и притих, но не испуганно-выжидающе, как лежал у себя в постели, а удовлетворённо. Уилф подумал и обнял Винса. Тот коротко выдохнул и уткнулся носом в плечо брату. И, кажется, мгновенно уснул.

Уилф не закрывал глаз. Он смотрел на то, как чуть шевелящийся красноватый длинный отблеск лежит на чёрном стволе ружья. Вспоминал слова Томми – уехать. Но куда уезжать? Да и как об этом сказать маме, она же только посмеётся...

Потом комната и отблеск на ружье стали ему сниться...

...Миссис Матмэн не спала.

За все свои тридцать шесть лет она – решительная и умная женщина, настоящая домохозяйка, мать двоих сыновей и жена старшины флота – ни разу не чувствовала себя такой беспомощной. Всегда само собой разумелось, что большие вопросы решают мэр и президент, за порядком на улицах следит полиция, деньги пересылает муж, а её дело – растить детей и вести дом так, чтобы его было не стыдно показать соседкам, не стыдно встретить в нём отпускника-мужа, чтобы в нём было всегда уютно и спокойно.

Но сейчас миссис Матмэн не понимала, как ей быть. Смутное ощущение тревоги переполняло её, как выплёскивающаяся из ведра грязная вода – и вызывало такое же желание поскорей выплеснуть эту воду... но как и куда?

На ночном столике женщины лежал – рядом с семейной фотографией, они снимались все четверо в Йеллоустоуне в прошлом году – небольшой пятизарядный кольт, никелированный, красивый, изящный даже – подарок мужа. Она умела стрелять, причём неплохо. И сейчас почему-то вспоминались строки из прочитанного лет пятнадцать назад романа «Унесённые ветром» – как Скарлетт о’Хара застрелила пролезшего в дом мародёра-северянина. Но это было страшно давно, так давно, что фантастические фильмы о зомби и инопланетянах-захватчиках казались реальней, чем невозможная история про горящие американские города и убивающих друг друга граждан Соединённых Штатов.

Сейчас ей вдруг пришла в голову пугающая мысль, что всё это ведь **было**. И Скарлетт о’Хара тоже не верила, что в Таре может произойти что-то **такое**...

Какое – **такое**? Она прошептала молитву – короткую, выученную в детстве и всегда приносившую успокоение. Но сейчас вдруг пришла острая обида: где Поль? Почему он в каких-то далёких морях, а не рядом с ней и сыновьями, почему он не в доме – и она, его жена, должна сидеть на постели в спальне и смотреть на револьвер с мыслями о том, как ей быть?!

Она набрала номер на мобильнике. В который уже раз.

Нет связи.

На миг ей представилось...

– Нет, – сказала она громко и решительно. Это просто сцена из фильма «Пирл-Харбор» и так не бывает.

Но ведь было, не так ли, спросила темнота в дальнем углу. Почему ты думаешь, что не может повториться?

Она поднялась на ноги. Держа в руке револьвер – его маленькая увесистость успокаивала немного – обошла комнаты. Все, одну за другой. Потом поднялась к сыновьям.

Сперва она испугалась – младшего не было в кровати. Но потом женщина увидела под боком у старшего компактный выпяченный бугорок одеяла и невольно улыбнулась. Ну конечно. Бежать к маме – Винс уже великоват. А к брату можно...

Улыбка исчезла с её лица. На тумбочке рядом с кроватью Уилфа лежало ружьё, подаренный в прошлом году отцом «мосберг». Миссис Матмэн тогда очень не понравилась эта идея – дарить мальчишке настоящее оружие. Но муж махнул рукой, сказав, что это игрушка. А Уилф смотрел так жалобно и в то же время сердито, что как-то возражать женщина в самом деле не смогла. Да и то сказать – едва ли можно было назвать 410-ку серьёзным калибром.²

² Это действительно так. 410-й калибр в США считается калибром для подростков и женщин, оружием развлекательной стрельбы.

И вот теперь она почти с облегчением смотрела на оружие рядом с кроватью сына. Уилф умеет им пользоваться, это хорошо...

О чём это я, подумала женщина испуганно. Зачем мальчику пользоваться оружием для тренировочной стрельбы?! И как пользоваться?! Стрелять в людей? В кого, в каких?! Нет, нет же... Этого просто не может быть. И не будет.

Она посмотрела на револьвер в своей руке. А она к чему готовится, бродя по комнатам с револьвером в руке? Нет, глупости какие... Завтра утром всё будет в порядке. Завтра утром всё наладится. Это просто ночь такая. Просто ночь...

Уилф громко вздохнул и завозился. Миссис Матмэн наклонилась к старшему. Тот на секунду приоткрыл сонные глаза, улыбнулся совсем по-детски, пробормотал: «Маааам...» – и, опять закрыв глаза, повернулся на бок. Нашарил и обнял неподвижно спящего младшего брата, замер.

Да нет. Всё будет хорошо, успокоенно подумала миссис Матмэн. Посмотрела на револьвер в своей руке, усмехнулась его нелепости. И, выйдя из комнаты сыновей, тихо притворив за собой дверь, пошла к себе.

Надо выспаться, потому что завтра будет день. Обычный день.

2 глава. БРАТ ПО ЯРОСТИ

*Ненависть – юным уродует лица,
Ненависть – просится из берегов,
Ненависть жаждет и хочет напиться
Чёрною кровью врагов!
В. Высоцкий. Баллада о ненависти.*

Уилф проснулся во всём доме Матмэнов первым.

Иногда с ним бывало такое – он просыпался самым первым, лежал и представлял себе, что он вообще единственный бодрствующий человек на Земле. Всё спит и все спят. Он лежал и представлял себе сонные бесконечные улицы, хотя знал, конечно, что сейчас, когда в Талахасси утро, есть места, где день, ночь, вечер...

Но сейчас утро было иным. Уилф понимал, что дом, его дом – спит. Странно, он не только видел спящего рядом братишку, но и ясно представлял себе спящую мать – и револьвер на столике рядом с портретом отца. А ещё он понимал: город **не** спит. Нет. Не так. **Город и не засыпал.**

Ждал.

В доме царили привычные тишина и покой. Но в эту тишину доносились звуки внешнего мира. И они были чужими даже больше, чем любой фантастический фильм.

По Платановой улице временами проносились гудящие машины – а ведь было ещё очень рано для разезда на работу и тем более – для возвращения с неё, в остальное же время по улице проезжала хорошо если одна машина в час. Вдали послышался прерывистый стон пожарной сирены, потом резко оборвался. И позади всего этого немолчно и от этого как-то незаметно потрескивали и сливались в единый фон выстрелы.

Сотни выстрелов.

Ду-дут, ду-дут, ду-дугтт, сказала что-то совсем близко, и только теперь Уилф **понял**, что это стрельба. Она была не такая, как в кино – казалось, кто-то рвёт в клочья бумагу или разрывает полосы ткани. Как та, которую он слышал вчера... только эта – была сплошной и не умолкала.

Осторожно, чтобы не разбудить Винса, мальчишка поднялся. Винс недовольно захныкал, обнял подушку и перевернулся вместе с ней поперёк кровати, но не проснулся. Покосившись на него, Уилф задержал взгляд на дробовике, потом подошёл к окну и раздвинул гардины.

Тут и там над городом плыли думы. Как раз когда он открыл гардину, по улице снова пронеслась машина – открытый «бог-ког»³, в котором сидели несколько человек, Уилф не различил, кто они, но мог бы поклясться, что все сидящие – вооружены. В остальном Платановая улица была пустынна и тиха. словно то, что творилось вокруг, её не касалось и не могло коснуться. Никогда. Никак. Только у дома Остинов во дворе стояли обе их машины, и возле них быстро и молча суетились люди. Быстро, молча и... и испуганно. Они грузили какие-то вещи. Они собирались уезжать. Нет. **Не уезжать.**

Бежать.

Минитмены, вдруг подумал Уилф, удерживая гардину рукой. Это вспомнилось из уроков истории – минитмены. В каждом посёлке был такой отряд, члены которого должны были за минуту собраться и выбежать на улицу с оружием в руках для защиты посёлка.

Улица пуста. Как так получилось, что мы – все – одни среди такого множества людей? Уилф тряхнул головой и вдруг сильно пожалел, что вчера не поговорил как следует

³ Болотный вездеход, машина на больших колёсах.

с Томми Ли. Где он сейчас? Он, наверное, мог бы объяснить... объяснить, что же, всё-таки, происходит...

Он снова рассеянно повёл взглядом по улице. Мальчишке показалось, что на углу лежит человек – человек с мотоциклом. Именно лежит. Но всмотреться он не успел, потому что откуда-то сбоку появился мистер Бинэм.

Старый пьянчуга был с утра заряжен, как следует. В перекошенной рубаше и запачканных чёрт те чем джинсах он двигался посреди улицы по сильной синусоиде, то и дело прикладываясь к огромной бутылке контрабандного кубинского рома, которую держал в левой руке. В правой он сжимал двустволку. Как раз перед домом Матмэнов Бинэм остановился, сделал ещё один глоток, помотал головой и заорал хрипло и неожиданно зычно:

– А ну вставайте! Спасайтесь! Это смерть! Мать вашу, матерь божья, я вижу, что это смерть! Люди! Вставайте и бегите, пока ещё можно, бегите, раз мы разучились пить и драться! Юг! Юг! Юг! Проснись!

Во дворе Остинов уже было пусто, люди бросили машину и спрятались в дом. Краем глаза Уилф увидел, что в доме наискось дрогнула гардина. И понял, что там кто-то стоит и смотрит на улицу. И, наверное, не только там. Стоят и смотрят. И им страшно. Они ничего не понимают, и им страшно. Улица не спит. Улица ждёт, и никто, кроме этого алкаша...

Что – «никто», он не додумал, не успел.

Мистер Бинэм опять хлебнул и взревел:

– Поток цветов обвил

Зелёные холмы...

Велик ваш подвиг был!

Вас помним вечно мы! А ну! Вставайте! Какого хера попрятались! Юг!!!

– Уилф... – послышался голос бесшумно вошедшей в комнату матери, но мальчишка даже не обернулся, потому что именно в этот момент из-за поворота (да, там точно лежал человек, человек рядом с кросс-мотоциклом, и Уилф даже видел теперь его светлые волосы и серую шляпу рядом) с высоким воем вылетел форд-пикап. В его кузове мотались сразу трое афроамериканцев – плечом к плечу, держась каждый одной рукой за ограждение, а в другой сжимая винтовку. М16 на ремнях, перекинутых для удобства через плечи.

Мистер Бинэм сделал ещё один глоток и выстрелил навскидку. Сперва из одного, потом из другого ствола.

Уилф отшатнулся от окна, отталкивая мать на кровать – она села от неожиданности, разбудив Винса, который от неожиданности тонко ойкнул. Но они – все трое – женщина и мальчики – услышали снаружи короткий мокрый удар.

* * *

*Уилф не знал, что позавчера в Б*** пятнадцатилетний Джесс Халлорхан, сын офицера, заступился за одноклассницу перед двумя «афроамериканцами» и был расстрелян ими из пистолетов прямо на школьном дворе. Похороны мальчика превратились в манифестацию, на которой впервые появились открыто флаги Старого Юга. Гроб Джесса Халлорхана сопровождали десятки вооружённых гражданских гвардейцев. Уже вчера начались погромы в клубах черных кварталов. Брошенные по приказу губернатора на подавление части Национальной Гвардии почти поголовно перешли на сторону восставших жителей Б***.*

И это послужило началом к тройному восстанию на юге США – восстанию хорошо организованных, щедро финансируемых и многочисленных негритянско-мусульманских, нарколатиносских организаций – и милиционной «гражданской гвардии»; каждая из этих трёх сторон была изначально враждебна двум остальным. Федеральные силы по приказу президента фактически приняли сторону цветных и немедленно раскололись – примерно треть

частей открыто отказалась повиноваться приказам и заявила о «переходе на сторону народа», под которым подразумевались в данном случае почти исключительно белые американцы. Полиция оказалась практически парализована, Национальная Гвардия в основном приняла сторону гражданских гвардейцев.

До Талахасси всеобщее восстание по-настоящему докатилось именно этим утром.

* * *

Уилфу казалось, что он стоял сбоку от окна, переводя дыхание, невероятно долго (на самом деле – всего несколько секунд). Потом он, не слушая испуганного крика матери, метнулся обратно к окну.

В доме напротив лопнули окна, и наружу легко и красиво выскользнули невесомые перистые языки пламени. Очередь – совсем близко – ударила в уши, и Уилф увидел, что по улице бегут афроамериканцы – их было много, и все они были вооружены. Они вбегали во дворы и дома, стреляли в окна, бросали в них бутылки, взрывающиеся рыжим огнём. Где-то дальше по улице послышались длинные очереди, и большинство афроамериканцев бросились туда...

– Что происходит? – медленно, даже с некоторым интересом, спросил Уилф сам у себя, разглядывая творящееся на улице. Как и все американские подростки, он вполне был подготовлен голливудскими фильмами к вторжению инопланетян, захвату Земли зомби, китайцами или даже русскими, глобальному потеплению, похолоданию, наводнению, смертоносной эпидемии, выпадению метеоритного дождя и падению Луны. Ещё каких-то сто лет назад при виде того, что творилось на улице, любой житель Платановой улицы крикнул бы: «Не стой столбом, парень, ты что, не видишь – взбунтовались ниггеры?!» Но Уилф не употреблял слова «ниггеры» даже в мыслях и всегда чувствовал себя неловко, даже читая его где-то. А уж что афроамериканцы могут взбунтоваться (!) – ему не приходило в голову вовсе. Зачем?! Против кого?! Из-за чего?!

Дом напротив горел. На крыльцо из распахнувшейся двери выбежал кричащий человек, женщина. Она горела тоже, и Уилф не сразу её узнал, но узнал – когда она упала через перила и осталась лежать на газоне. Это была миссис о'Лири.

Потом у дома о'Лири просела крыша. Уилф вздрогнул от страшного звука – и отшатнулся от окна, чтобы больше не видеть то, чего не могло быть.

– Что там, Уилф? – испуганно спросил Винс, обеими руками и даже ногами обвивший мать.

Уилф словно бы проснулся от этого вопроса. Метнувшись, он схватил ружьё, брюки... и опять застыл. Он медлил потому, что была противна мысль о том, что придётся оставить свой дом. Это промедление могло стать губительным в любой момент, оно шло из древних времён, из генетики. Но предок Уилфа, передавший своему потомку это упрямое желание любой ценой защищать своё жилище, жил в небольшой хижине с одной комнатой, с двумя-тремя окнами-бойницами, узкой тяжёлой дверью, напрочню сбитой из толстых, не сразу поддающихся даже огню тяжёлых древесных плах – при нападении на такое жильё разум требовал оставаться внутри и бить врага из окон.

Дом Уилфа – полуторазэтажный, тонкостенный, с большими стеклянными окнами, несколькими комнатами, стеклянными дверями, доверху набитый тем, что может гореть – был фактически ловушкой для обороняющегося.

К счастью, мальчик всё-таки понял это достаточно быстро.

– Мама, быстро уходим! – держа в левой руке готовое к выстрелу ружьё, Уилф начал теснить поднявшуюся с кровати мать к выходу. – Быстро, быстро же, скорей! Винса бери!

– Зачем, куда? – миссис Матмэн тем не менее пятилась, крепко держа в левой руке руку притихшего, во все глаза смотрящего на старшего брата младшего сынишки, а в правой сжимая револьвер. На миг в женщине проснулся удивлённый гнев, она хотела даже прикрикнуть на разбушевавшегося старшего сына: «А ну-ка, молодой человек!..» – но потом вдруг испу-

гальса. Испугалась лица Уилфа и его слов, того, как он напирал и вёл себя. Ей вспомнились все эти истории про ребят, которые сходили с ума и хватались за оружие. Раньше она никогда не примеряла этих рассказов по ТВ всерьёз на себя и свою семью. Но сейчас... что, если Уилф на самом деле сошёл с ума?! Может быть, началась какая-то эпидемия?! Что делать? Винс...

...Она была умной и храброй женщиной, миссис Матмэн. Любящей матерью, верной женой, настоящей хозяйкой. Но даже её разум, её взгляд на мир были испакошены донельзя. И, пытаясь встроить в реальную жизнь претендовавшие на ещё большую реальность фантастические картины и рецепты из шоу и фильмов, она теряла секунды, теряла их там, где ещё её бабушка инстинктивно сделала бы единственно верное – подчинилась мужчине и начала спасать ребёнка.

Телерассказы были реальней реальности. Миссис Матмэн всё ещё не могла отрешиться от них полностью. А Уилф в отчаянье остановился, видя, что мать ничего не предпринимает и не зная, что ему делать – не толкать же её ружьём, в самом деле?! Они были уже в самом низу лестницы, направо – дверь во двор, налево – чёрный ход...

...и как раз тут дверь во двор рухнула. Разлетелась и упала стеклянными брызгами и пластами. Все трое – женщина и мальчики – обернулись.

Большая обезьянья лапа, просунувшись внутрь, зашарила в поисках ручки, рванула её. Дверь отлетела, стукнулась в стену, рассыпая последние осколки стекла. Внутри вошёл низенький длиннорукий чернокожий – с винтовкой в правой руке. За ним виднелись ещё двое, и у всех троих на лицах расплывались при виде хозяев дома широкие улыбки.

(...на мордах... оскалы...)

– Гых, – совершенно нечеловечески сказал вошедший первым. – Съ... ться хотели?

– Что вы себе позволяете? – миссис Матмэн спросила это без страха, с изумлением скорей. – Как вы посмели ворваться сюда? Мой муж...

– У тебя их, сучка белосисая, сейчас будет целых три, – сообщил чернокожий. – Только на децл вре...

Он не договорил.

Уилф издал вопль – дикий, улюлюкающий крик, жуткий и нечеловеческий. Он сам не знал и не понимал, что это за звук – вопль поднялся откуда-то из района пяток, заполнил всё тело и выплеснулся наружу за какие-то доли секунды. И от этого визга-воя-рёва проникшие в дом налётчики оторопели. Всего лишь на миг. Но именно этого мига мальчишке хватило.

– Получай! Получай! Получай, грязный ниггер! – над локтем дёргающего рычаг перезарядки Уилфа бешено кувыркались гильзы, выстрелы 410-го в помещении гремели, как салютная пушка, кричал, обхватив мать, Винс, но всё это заглушал рёв умирающих животных – все трое налётчиков бились сперва об стены, потом на полу, а Уилф стрелял, пока не выпустил последнюю, шестую, пулю. Он дёрнул затвор в ярости, а следом уже лез ещё один – с большим пистолетом в одной и топором на коротком топорнице – в другой лапе. Его налитые кровью глаза были полны звериной ярости. – Ма, беги! – крикнул Уилф. И присел – сзади послышался треск выстрела – не такого громкого, как выстрел его дробовика, револьверного. Правый глаз негра лопнул, голова дёрнулась, расплёскивая густо-алое на стену, и он с хриплым «рррыххх...» осел наружу.

Одной рукой прижав к своей ночной рубашке лицо плачущего Винса, другой рукой миссис Матмэн опускала револьвер. Лицо женщины было потрясённым почти до смешного.

– Господи, – сказала она. – Господи, что это?

– Бегите! – Уилф бросил пустой дробовик, схватил лежащее у самых ног незнакомое оружие – короткую самозарядную винтовку с изогнутым магазином и удобным прикладом, вылетевшую из рук одного из убитых.

– Я должна переодеться... – медленно заговорила миссис Матмэн, но Винс заплакал, теребя её рубашку:

– Ма, ма, уйдём скорей, мамочка, уйдём отсюда ско-ре-е-е! – и она, опомнившись наконец, схватила младшего сына в охапку, метнулась к двери, но тут же остановилась, обернулась, вскрикнув горестно:

– Уилф?!

– О господи, да бегите же!!! – отчаянно прокричал мальчик – по тропинке к дому бежали двое, и как раз в этот момент они начали стрелять – от бедра, на бегу, поливая струями пуль весь фасад дома и что-то визгливо крича. – Бегите, чтоб вас! Убегайте, не будьте бестолочками! – и, припав на колено, мальчишка, как при стрельбе по мишеням в тире АСА, влепил по пуле в каждого бегущего, ощутив резкую, тяжёлую отдачу...

* * *

– Господи, где же они?

Уилф Матмэн произнёс это еле слышно, чтобы просто услышать свой голос. Он не надеялся найти мать и братишку в том аду, в который превратились улицы его родного Талахасси. Просто это «где же они?» подразумевало ответ, что они хоть **где-то есть. Живые.** Большого Уилф не хотел.

Весь этот длинный, бесконечно длинный и совершенно безумный день он куда-то бежал, шёл, полз – не останавливаясь, казалось, ни на секунду. Кругом был огонь и рушащиеся здания, стрельба и крики – так не кричат люди. Уилф не знал, как называется его оружие, но держал его, не выпуская. А патроны к нему – толстенькие, необычные – он насыпал в какую-то невесть откуда взявшуюся поясную сумку, висящую на таком же кто знает, откуда свалившемся, ремне прямо поверх пижамы – с верхом – в оружейном магазине, точнее – насыпал хозяин магазина, сыпал горстями, пока двое мужчин стреляли через окна наружу, сыпал и бормотал: «Вот, держи... магазинов к этой штуке нет, а патроны – держи... патронов у меня полно, настоящие русские, контрабанда... вот, держи...» Куда он делся, куда делись те мужчины, кто они все были? Уилф не знал. Он опять бежал, полз и стрелял – один, и помог какой-то старухе перетащить через забор уже даже не плачущую от ужаса девочку лет пяти, с огромными глазами прижимавшую к груди медвежонка Тедди. Дальше – они втроём сидели, как ни в чём не бывало, в каком-то доме, пили холодный, который налил им седоусый тощий старик... вот только на столе у старика лежал поцарапанный, потёртый «калашников», как в кино, и потом старик допил чай, взял автомат и сказал: «Так, ну вот и гости...» А потом опять были какие-то люди, и они вместе стреляли с нижнего этажа большого здания – через двери и витрины, и рядом с Уилфом стрелял полицейский – плачущий полицейский. И он снова остался один, бежал, упал в какие-то кусты, где лежал убитый пёс – с расколотой головой – рядом с убитым мальчиком лет десяти, голова которого тоже была расколота, как орех щипцами. Но это было не важно – Уилф наступил на стекло и сейчас вытаскивал его; вытащил и опять бежал и снова стрелял. Потом был танк и люди в форме, к которым он, как к спасению, бежал вместе с ещё тремя людьми... а с танка ударил пулемёт и раздался невозможный крик: «Грёбанные дикси, грёбанные мятежники!» – и все упали, потому что они не хромали и бежали впереди, а Уилф, как перепуганный зверёк, взвизгнул и на бегу – уже в сторону, в переулок – начал стрелять, и с танка мешком упал человек в федеральной форме – **враг. Долбаный янки.** Другой человек в такой же федеральной форме с пулемётом лежал в дверях магазина и огнём из пулемёта прикрывал убегающих женщин с детьми – кричащих трёх женщин – и сам кричал: «Вот что такое техасцы!!! Мы не суки!!! Мы техасцы!!!» – и люди в такой же форме падали впереди, а Уилф подавал ленту... Он вроде бы видел даже каких-то знакомых людей, но не помнил, разговаривал ли с ними. И не очень понимал, жив ли, и если да – то почему, за какие заслуги и удача ли это – что он жив.

В районе, где он остался, было уже почти тихо, стрельба откатилась в сторону южной окраины, и там не умолкала, слилась в сплошной перестук.

– Господи, где они? – повторил Уилф. Неподалёку фонтанировала высоченной струёй срезанная пожарная колонка, вода текла по канаве через кусты, в которых он лежал, сплошным чистым потоком, и мальчишка вдруг ощутил, что внутри у него всё горит от жажды. Чуть подавшись вперёд на локтях и не выпуская оружие из руки, он опустил лицо в холодную воду и пил, пока его не вырвало. Он подождал, пока вода снесёт блевотину, напился снова и снарядил магазин – после этого патрон в сумке осталось мало, едва десяток. Подумал, что надо идти домой, что уже поздно – и помотал головой яростно, чтобы вытряхнуть эту мысль, пока она не проела мозг.

Шум, поднявший в конце улицы, в темноте, заставил Уилфа напрячься и замереть. Фонари не горели, кроме одного, над выбитой дверью магазина, возле которого была колонка – и мальчишка не сводил глаз с улицы, откуда приближался шум.

Его источник стал ясен очень быстро.

Появилась группа негров. Их было штук сто, нет, не группа – толпа, воющая и улюлюкающая. Кое-кто нёс факелы, и отсветы багрового пламени делали их лица и движения лицами и движениями чудовищ из фильма ужасов. Даже трудно было поверить, что они реальны. Но от киношных чудовищ негров отличало то, что все в толпе были вооружены с головы до ног, всем, чем угодно – от дробовиков до пулемётов. То и дело раздавалась пальба – идущие стреляли без разбора по окнам домов. Уилф поймал себя на том, что выискивает в толпе знакомые лица афроамериканцев – отцов соучеников, вообще жителей Талахасси. Но знакомых лиц там не было. Там вообще не было лиц.

Только морды.

В центре толпы переваливался здоровенный джип – со спешно срезанной крышей, с установленным сзади шестиствольным «минимагом». На передке джипа на четвереньках стояла, уронив голову (волосы закрывали лицо) привязанная и подпёртая какими-то деревяшками белая женщина или девушка – голая и окровавленная. Всё её тело моталось на верёвках и распорках в такт толчкам джипа, и Уилф понадеялся, что она мертва.

Опираясь на шестистволку, в джипе стоял гориллоподобный низколобый гигант с вывернутыми алыми губами и плоским широким носом, в белой водолазке, перечёркнутой патронными лентами. Пулемёт, который он держал стволом вверх и прикладом в плечо, казался в лапе негра детской китайской игрушкой. На груди, запачкав белое кровью, висела связка каких-то предметов – Уилф не сразу сообразил, что это человеческие уши.

За толпой двигались – так же медленно – три армейских грузовика. Джип проехал к стене какого-то магазинчика и остановился, развернувшись. Негры образовали кольцо посреди улицы – плотное и широкое. В него въехали все грузовики. Борт одного откинулся изнутри – и под воющий смех и вопли из него кто-то невидимый стал выбрасывать, нет – выгребать...

Уилф вцепился зубами в пальцы.

Это были головы. Много-много голов белых. Женские, мужские, детские головы – они тяжело падали (бесшумно в рёве толпы) и катились в стороны. Тем временем у двух других грузовиков тоже откинулись борта – и **оттуда начали выбрасывать живых детей.**

Тут не было никого старше восьми-десяти лет. Полураздетые или совсем раздетые, они вылетали наружу – некоторые (в основном девочки, но и несколько мальчишек – у всех у них были окровавлены ноги) не могли подняться; другие наоборот – вскакивали и пытались проскочить в толпу, но их отбрасывали с руганью и смехом; третьи жались друг к другу. Почти все кричали – в основном бессмысленно и жутко, но тут и там прорезались тонкие истошные голоса, звавшие маму. Уилф видел, как один из негров, подобрав женскую голову, вытащил в сторону какого-то мальчишка и стал тыкать ему в лицо раздвинутыми в оскале губами головы. Мальчишка даже не кричал, а потом перестал и уворачиваться – в свете факелов его голова блеснула мгновенно покрывшим её серебром, он мешком повис в руках негра. «Господи, – подумал Уилф, – господи святой, пусть это будет разрыв сердца...»

Негр бросил голову, схватил мальчишку за ноги и, раскрутив, как молот для броска, метнул его в стену дома.

То, что началось потом, Уилф просто не мог воспринять. Выскакивавшие из толпы негры точно так же хватали детей за ноги и швыряли их вдоль по улице. Тут же с гоготом замеряли дальность броска шагами, спорили и, кажется, заключали пари. Десятка два развлекались иначе – оттащили в сторону шестерых девочек и принялись насиловать их прямо на глазах у остальной стаи – той её части, что не была увлечена соревнованием. Около первого грузовика четверых мальчишек постарше, тыча им в спины и ягодыцы факелами, заставили драться друг с другом голыми руками – видимо, насмерть, туда Уилф совсем не мог смотреть.

Потом он увидел подростка-негра. Своего ровесника. Сидя на подножке грузовика, он увлечённо перебирал мобильники. Много, десятки мобильников, которые вывалил к ногам из какого-то ящика. Некоторые отбрасывал, другие... Уилф не верил глазам. Негритёнок нанизывал их на шнурок и вешал на шею, как ожерелье. По временам отвлекался, нажимал на кнопки, то ли во что-то играл, то ли проверял функции...

Они же не работают, подумал Уилф и ясно почувствовал, что сходит с ума. Но не смотреть не мог. Он должен был смотреть и запоминать, чтобы потом – если будет какое-то потом – никто не мог сказать: **они тоже люди**. Никто. Никогда не мог сказать.

Вопль губастого гиганта, наблюдавшего из джипа, прервал страшную вакханалию. Что кричит их... вождь? шаман? кто? – Уилф не мог разобрать, это был чудовищный «эбоникс»⁴. Но детей – тех, кто был жив – стали сгонять и строить в шеренгу на коленях.

Из толпы вышли двое здоровяков с бейсбольными битами. Встав с двух концов дрожащей и плачущей шеренги, они чего-то ждали.

Гигант опять завопил и ударил себя в грудь кулаком. Его ритмичные вопли подхватила вся толпа – вскидывая руки и притопывая. И тогда...

Уилф грыз себе пальцы. Во рту был вкус крови, и он перестал это делать, потому что пальцы были нужны, чтобы стрелять.

Взмахивая бейсбольными битами, негры стали, продвигаясь по шеренге, дробить головы детей – ударами в затылок. Позади них оставались корчащиеся тела; кое-кто пытался ползти. Несколько ребятишек, вскочив, снова бросились бежать и потонули в толпе – через минуту Уилф увидел, как одного из них – извивающегося и истошно кричащего – вскинули над толпой на руках и с размаху насадили животом на штырь магазинной вывески сбоку от колонки. Ребёнок перестал кричать, но продолжал крутиться, дёргаться и никак не затихал.

Уилф уткнулся лицом в землю и закрыл уши руками. От земли пахло сыростью и травой, и мальчишка вцепился в неё широко открытым ртом...

* * *

Было уже под утро, когда Уилф кое-как добрался до старых складов. Он пробирался именно туда, чтобы отдохнуть. В его прошлой детской памяти старые склады были огромными пустыми помещениями с массой укромных закоулков, в которых было здорово играть, ну а сейчас – сейчас можно было отсидеться и перележать. Он еле тащил ноги и с трудом заставлял себя не думать о виденном.

Мальчишка не мог себе представить, что ждёт его на складах.

О том, что и тут всё плохо, он стал подозревать, когда увидел прямо около въезда две сожжённые машины – гражданский грузовик и полицейский фورد. Трое полицейских – в окровавленной форме, буквально изодранные в клочья пулями – лежали чуть в стороне от въезда кучей, с полдюжины негров валялись с другой стороны въезда.

⁴ «Язык» североамериканских негров на основе американского варианта английского. Изобилует жаргонизмами, нецензурной бранью, строится с нарочитым пренебрежением к классическому английскому языку. Крайне беден, дополняется жестикацией.

Потом он почувал **запах**. Запах бойни. И приостановился, но всё-таки пошёл дальше – к распахнутым настежь большим воротам.

Свет каким-то чудом работающего прожектора падал снаружи в большие, закрытые частой решёткой окна. Старые склады были большими, когда-то тут располагались железнодорожные пакгаузы, сохранились даже рельсы, хотя поезда не ходили в Талахасси аж с 2006 года. Но теперь рельсов не было видно. Пол складов был завален трупами – трупами почти сплошь детей и подростков. Лужи крови стояли на прочном полу, им некуда было впитаться, они чернели, как смоляные. Запах ударил по Уилфу, как молот – но потом почти сразу перестал ощущаться. И почему-то совсем не было страха. Может быть, потому, что он не видел, как умирали тут, а просто трупы уже не пугали. Держа винтовку в левой руке, мальчишка пошёл среди трупов – и почти сразу споткнулся. Он узнал Эдди Картера. Узнал с трудом, потому что Эдди был уже не рыжим, а абсолютно седым. И безруким – вместо рук были какие-то скрученные проволокой чёрные сучья. Рядом лежала Присси Кларк, капитан команды болельщиц – совершенно голая, привязанная к рельсам и сплошь залитая кровью. Горло девушки было перерезано, живот вспорот, выпотрошен и набит дерьмом.

Потом он узнал ещё нескольких ребят и девчонок из своего класса. Было и ещё очень много незнакомых, и среди них – не американцы. Уилф сам не понял, как это определил – эти ребята лежали вместе с его соотечественниками и ничем от них не отличались. И всё-таки это были **не** американцы.

Русские, подумал Уилф. Винс говорил про то, что их привезли в склады. Это русские, вот кто это. Видимо, русских отсюда и не стали вывозить.

Русские ребята и одноклассники Уилфа лежали вместе. И Уилф вдруг понял, что между ними нет никакого различия. Он сам их отличал неясно как, а сохранившаяся одежда, лица, цвет кожи, цвет мёртвых глаз, сложение – всё это было неотличимо.

Сына миссис о'Лири, американского солдата, убили русские. Где-то там, далеко – всплыло название: «**Новоподклетное**». Но саму миссис о'Лири сегодня убили не русские. И этих русских детей убили не американцы.

А кто? Разве эти негры не американцы? Афроамериканцы?

Нет. **Не американцы**. Американцы не могли сделать **вот это**. Не могли.

А кто послал Тома в Россию? Почему его не было дома, когда его мать убили те, кого он и она считали своими соотечественниками? Почему нет дома отца самого Уилфа?

– Произошла большая ошибка, – задумчиво сказал Уилф. И решил лечь прямо тут, на полу среди трупов – и умереть. Мысль принесла облегчение, настолько сильное, что ноги Уилфа подкосились...

Он не сделал этого, не лёг и не умер, потому что ощутил присутствие живого человека. А в следующий миг в бездушном мёртвом свете прожектора Уилф увидел этого самого человека.

Человек целился в него, Уилфа. Человек, не негр – из карабина, армейского карабина. Точно в грудь. Карабин был вторым, что Уилф увидел после силуэта. А потом он различил, что это мальчишка. Примерно его лет, пониже, но богаче – он был в испачканной майке, кроссовках и грязных джинсах, а не в драной пижаме и босиком, как сам Уилф.

– Не стреляй, – сказал Уилф. Он не испугался, он даже был, пожалуй, не против того, чтобы этот парень его убил, потому что жить было невыносимо тяжело. Но где-то в этом мире были ещё – не могли не быть – мама и Винс. Он сейчас вспомнил про них и передумал умирать. Отец бы его не понял, оставь он маму и братишку одних среди этого ужаса.

– Ты кто? – карабин в руках парня не вздрагивал, шевелились только губы. Слова были произнесены с акцентом, и Уилф понял, что это русский. Это была дичайшая ирония судьбы – среди войны с неграми на американской земле в него, Уилфа Матмена, целился из американского карабина привезённый сюда из России русский мальчишка.

– Уилф, – ответил он, даже не делая попытки вскинуть своё оружие.

– Ты чего тут делаешь? – русский говорил бегло.

– Тут мои одноклассники, – кивнул Уилф на трупы. Русский вдруг ненормально хихикнул:

– А, чёрт. Смешно... – он чуть опустил ствол. – Полицаи нас выпустить хотели, но не успели, негры появились.

Уилф кивнул – вот откуда эти трупы у въезда...

– Меня Денис зовут, – сообщил между тем русский. – Иверцев. У тебя поесть нечего?

– Не, – мотнул головой Уилф. – А ты откуда оружие взял?

– Я там спрятался, – русский мотнул головой. – Там колодец такой... Один чёрный уже напоследок туда сунулся, я его и успокоил... Его и искать никто не стал, они все обдолбанные были, кумар стоял до крыши... – лицо русского дёрнулось. – Они сперва наших убили, а потом уже ваших пригнали, и тоже... Ты что делать собираешься?

– Маму и брата искать, – сказал Уилф.

– Обувку надо найти, тут её много. И куртку, – сказал русский, и Уилф сжался внутри, но потом перевёл дух и кивнул:

– Я найду... Карабин-то опусти.

– Угу, – русский опустил оружие, подумал о чём-то, качая тонким стволом. – Слушай, я с тобой пойду. Я тут всё равно ничего не знаю. Что у вас произошло, я и то не понял. Это банда какая-то, что ли?

– Хуже, – Уилф помотал головой. – Война. Гр... – он запнулся, однако договорил: – Гражданская война. У нас гражданская война.

Русский присвистнул. И вдруг сказал:

– Ну вообще гражданская – это когда люди одной нации друг с другом машутся. А тут у вас скорей обезьяны взбесились. Куда вы полезли вообще к нам, если у самих... – он махнул рукой.

Уилфу было уже всё равно. Ноги совсем не держали его, и он всё-таки начал падать. Наверное, даже потерял сознание, потому что следующее, что осознал – русский ведёт его куда-то, поддерживая. А потом русский помог ему лечь на что-то восхитительно мягкое. И больше Уилф ничего не ощущал и не помнил.

3 глава. СМЕРТИ НЕТ, УИЛФ

*Горят города, и ребята лежат
В пыли и каменной крошке...
В. Крапивин. «Серёжка, не падай...»*

Прыгая с обломка на обломок, двое мальчишек в собраной «с бору по сосенке» грязной камуфлированной форме и джинсах перебежали через улицу, синхронно прыгнули за угол полуразрушенного здания. На секунду улицу буквально заполнила лавина огня из десятка стволов, но подростков надёжно прикрывала тройная кладка.

Один из них – с самодельной сумкой-упаковкой из трёх М72А3 за плечами и карабином М655 в руках – подмигнул своему товарищу, вооружённому СКС с ортопедическим прикладом и тридцатизарядным магазином, пистолетом в открытой кобуре на бедре и висящим на спине – на ремне-патронташе – пистолетом-гранатомётом «хеклер-кох».

– Живы пока? – спросил он по-английски с сильным акцентом.

– Пока живы, – откликнулся тот, держа карабин наперевес. – Куда теперь-то, Дэни?

– Погоди, Уилф, – откликнулся первый...

...Уилф изменился разительно за прошедшие с начала боёв полтора месяца. Всё это время в городе не смолкала стрельба, и временами было сложно понять, сколько это продолжается. Одно оставалось неизменным: свои и чужие.

Гражданские гвардейцы, сумевшие всё-таки организовать и отбить часть города, сначала ещё надеялись на помощь с северо-запада и с запада. Но радио доносило такую смесь из «сводок» сотни станций, что вычленив из них нечто разумное и непротиворечивое не представлялось возможным. Большинство гвардейцев дрались лишь из чувства мести и ненависти, стремясь к одному: убить побольше врагов – мусульманских «чёрных братьев», федеральных солдат и просто цветных бандитов. Кое-кто уходил, прорываясь – в болотистые леса Флориды к партизанам-французам или вообще куда глаза глядят. Большинство же и об этом уже не думали...

... – Подкинь мне гранату, – попросил Дэни. Уилф дружелюбно ответил:

– Трахни меня.

Дэни задумался, поерошил грязными пальцами волосы и поинтересовался:

– А если трахну – дашь? Противно, конечно, туалетная бумага вся давно пошла на бинты... но ради гранаты я готов на всё.

– Ме-е-е-ерзки-и-ий, – жеманно сказал Уилф, смазав Дэни пальцем по носу. Оба захихикали, и Уилф перебрал Дэни маленький круглый «гольф-болл»⁵, а сам очень осторожно выглянул в пролом стены на уровне шеи, стараясь держаться сбоку.

– Пусто, – сообщил он. – Только на перекрёстке две скорострелки-джипа... – они и правда стояли там, в самодельных сварных панцирях похожие на черепашек. Пехоты нет.

Он передвинул на грудь гранатомёт, переломил казённый, вложил в него выстрел и резким движением руки изготовил оружие к бою. Дэни достал из кармана дощечку, обтянутую разглаженной фольгой и, привалившись спиной к стене, начал посылать «зайчики» в окно покосившегося двухэтажного дома, видневшегося за развалинами метрах в трёхстах. Почти сразу оттуда замигал ответный сигнал – быстрый и настойчивый.

Дождавшись окончания ответной передачи, мальчишки, крадучись, обогнули стену и, пригибаясь, затрусили по развалинам, озираясь и то и дело наклоняясь ниже, чтобы пролезть

⁵ Жаргонное название ручной наступательной гранаты М67.

в очередную дыру – остатки зданий напоминали сыр их обилием. Уилф шёл впереди, держа наготове СКС, следом – Дэни с разложенным РПГ на плече.

Они пробрались через дом, в котором ещё вчера проходил рубеж обороны. Во влажной сентябрьской жаре трупы начали разлагаться уже ночью, запах тления поднимался над мусором, который засыпал погибших. В одном месте торчала рука с зажатым автоматным ремнём – синеватая от ввевшейся пороховой гари. Лежал сорванный с треноги крупнокалиберный «браунинг» с развороченным красивым металлическим цветком стволом, тускло поблёскивала выскользнувшая из цинка лента, набитая патронами. Совсем близко посменно тархтели скорострелки.

Уилф вскинул ладонь и, пригнувшись, замер. Дэни сделал то же самое – из-за спины товарища он не видел, что впереди, но привык доверять тому, кто идёт первым в этом в общем-то чужом городе. А Уилф поднял левую руку с растопыренными пальцами, потом – сжал их в кулак, выставил указательный и поднял большой.

Пятеро с крупнокалиберным пулемётом. Боевое охранение скорострелок. Дэни пискнул, как крыса – Уилф оглянулся и, отвечая на вопросительно поднятые брови, решительно провёл ладонью по горлу. Дэни обрадовано закивал, сунул взведённый гранатомёт в чехол и перебрёл в руки М655.

«Вот без штыка-то плохо,» – отстранённо подумал Уилф, медленно распрямляясь. Закалывать врагов штыком он любил.

Пятеро «чёрных братьев» лежали на гудах битого кирпича около поставленного на треногу «борова»⁶. Лежали спинами к мальчишкам, синхронно прыгнувшим в пролом: Уилф – влево, Дэни – вправо, открыв огонь уже в прыжке. Расстояние было минимальным – Уилф стрелял, нажимая спуск, пока не кончился – хотя и початый – магазин. Только после этого услышал, как ругается по-русски Дэни – Уилф уже немного понимал этот язык, потому что от волнения Дэни стабильно «съезжал» на него:

– ... в рот! Не оружие, а дерьмосос – любую дрянь в себя тянет! Ну давай же, давай...

Уилф повернулся. С разъярённым лицом Дэни терзал клавишу затворной задержки, пока, наконец, затвор со щелчком не встал на своё место, соизволив дослать патрон в казённый – так, словно винтовка была капризным живым существом и делала хозяину невиданное одолжение.

– Всего один мой, – виновато сказал Дэни. – Опять заела, сволочь...

– Брось ты её, – посоветовал Уилф, снимая с одного из убитых гранаты.

– Жалко, – признался Дэни. – Уж больно метко бьёт. И кучно.

Мальчишки подобрались к пролomu, за которым – в каком-то десятке метров – продолжали бить скорострелки. Несмотря на жару, люки самодельных корпусов из толстого железа были закрыты – экипажи усвоили, что на улицах полно желающих кинуть в открытый люк бутылку с «молотовым» и посмотреть, что будет. Но именно поэтому там не слышали пальбы чуть ли не над ухом.

Дэни передал Уилфу второй гранатомёт, педантично приготовил к стрельбе и положил на щебень третий. Бросил:

– Целься под бак.

– Не учи папочку драть задницы, – ответил Уилф с нехорошим смешком. В такие моменты он, ни разу не спавший с женщинами, испытывал самое настоящее сексуальное возбуждение – разве что без заключительной стадии. Любой довоенный фрейдист-психолог определил бы эту стрельбу как «подсознательную замену полового акта агрессивным действием с фаллоподобным предметом, вызванным психической травмой, вытесненной за пределы Я в область ОНО.». Но последние местные психологи подбегали к северу Канады и совали удив-

⁶ Жаргонное название единого пулемёта М60.

лённым эскимосам пачки обесцененных долларов за перевоз в Гренландию, а Уилф просто возбуждался от злого наслаждения, что сейчас «фаллоподобный» РПГ превратит в поджарки ещё нескольких убийц. Гораздо проще – и намного более по-человечески, чем фрейдистские выдумки...

*...И не стоит кивать на что-то ещё —
Мне известно иное право:
Ваша жизнь за моим левым плечом,
Ваша смерть – за моим правым...*

...Простенький рамочный прицел нашарил то место, где под листом железа булькал бензин – и, когда взрыв превратил джип в клубок пламени, Уилф в экстазе издал вопль:

– Йэ! Кайф! – а потом – знаменитый улюлюкающий клич мятежников прошлого, возродившийся непроизвольно в этом времени.

Третьего гранатомёта не понадобилось – Дэни тоже попал точно. Посмотрев на приятеля, он спросил:

– Живы пока?

– Пока живы, – ответил тот со смешком. – Уматываем отсюда, иголку последнюю не забудь.

Они, не особо спеша, затрусили обратно через развалины, похожие со стороны на молодых волчат, с упоением открывающих для себя все прелести охоты...

От дома давно остался только полуподвальный этаж, перекрытый сверху рельсами и бетонными плитами. В заложенных мешками с песком окошках торчали пулемёты. На кривоватой палке висел флаг добровольцев Флориды – синее полотнище с семью белыми звёздами над венцом из хлопковых цветов и листьев и надписью:

ANY FATE BUT SUBMISSION

В душном, провонявшем помещении лежали около бойниц десятка два мужчин и несколько женщин и подростков – разно одетых и вооружённых, но почти все – в серых широкополых шляпах. Кто-то ел, кто-то спал, кто-то разговаривал. Томми и Дэни перелезли через баррикаду у входа и спустились по ступенькам в подвал. Их появление встретили вялым бурчанием, свидетельствовавшим о том, что все искренне рады видеть мальчишек живыми.

Они приземлились около стены и несколько минут просто сидели неподвижно, расслабившись и стараясь особо ни о чём не думать – такой отдых помогал лучше сна, в котором приходили кошмары. Потом Уилф нехотя нагнул к ногам, расшнуровал кроссовки и сбросил их. Дэни достал отвёртку, принялся разбирать карабин, приговаривая по-русски:

– Ах ты моя хорошая... точненькая моя... ты не сердись, что я на тебя наорал... сейчас почистимся – и...

Никто вокруг не удивлялся этим словам и разговору с карабином. Мальчишка спятил, это ясно. А кто – нет?

Уилф достал из кармана горсть патронов россыпью, начал снаряжать тридцатизарядный магазин к СКС, смачно пощёлкивая металлом.

– Я анекдот вспомнил, – обратился он к Дэни. Русский поднятием брови выразил интерес. – Приходит пациент к психиатру. «У меня проблемы с головой, я думаю только о сексе, доктор.» Тот говорит: «Ну, проверим, – и рисует дерево, потом спрашивает: – О чём вы думаете?» «О сексе, доктор.» Тот рисует дом: «А сейчас?» «О сексе...» Доктор рисует слона, камень, трубу – пациент всё о сексе думает. Доктор и говорит: «У вас проблемы с сексом.» А пациент отвечает: «Нет, это у вас проблемы с сексом, раз вы рисуете такие грязные картинки!»

– А у тебя проблемы с сексом? – спросил Дэни, аккуратно складывая мелкие детальки на лист картона.

– Нет у меня никаких проблем, – неожиданно покраснел Уилф.

– У отца до войны была тайская массажистка, – вспомнил Дэни и потянулся. – Не знаю, сколько ей было лет, а мне было двенадцать... В общем, на пятый раз папаша нас застал и её уволил... а мне собирался купить тур во Францию на бл... и, но ни хрена не успел...

– Отвяжись со своими гнусными, мерзкий русский извращенец, – равнодушно ответил Уилф.

Дэни, кажется, собирался и дальше приставать с интимными вопросами, но через баррикаду у входа перелез и шустро скатился по выщербленным ступенькам упитанный и не в меру (по обстоятельствам) жизнерадостный колобок в великоватом камуфляже, для надёжности перетянутом ремнями. Это был командир отряда, бывший главный бухгалтер местного отделения «Санок» ван дер Зант. При всей своей внешней непригодности для этой роли он со своими обязанностями неплохо справлялся – насколько это вообще было возможно в такой ситуации. Следом в подвал спустилась хмурая молодая женщина, державшая на плече русскую снайперку СВД – раньше её тут не видели.

– Вернулись? Живые? – весело обратился ван дер Зант к ребятам. – Как результаты?

– Две самоделки, – сообщил Уилф. – Поставите А+?

– И распишусь, – согласился ван дер Зант. – Ещё домашнее задание сделаете – вообще премирую.

– Двадцать человек, – в никуда сказал Дэни. – А домашнее задание сделать некому, – он вздохнул. – Мы все внимание, командир.

– Сынки, – ласково сказал ван дер Зант. – Дочки. Ребёнки. Всем дело сыщется – вот вам уже сыскалось, гордиться должны, что первые.

– Началось, – Уилф подцепил кроссовки стволом карабина и начал обуваться. – Давай! Шагай! Стреляй! Блин.

– Тебе не нравится стрелять? – изумился Дэни.

– Мне не нравится шагать, – убеждённо ответил Уилф. – Мы все внимание, как уже сказал мой страстный русский сожитель.

– Пойдёте с ней, – ван дер Зант почти изысканным жестом указал на снайпер... шу. – На охоту. Шагом марш. И приведите парочку «языков».

Мальчишки смерили женщину, невозмутимо глядящую в пространство, внимательными взглядами. Потом переглянулись. И громко в унисон хмыкнули.

* * *

– Хорошая вещь была – «Интернет», – Дэни, стоя в глубине комнаты, смотрел в бинокль. – На любой сайт – как к себе домой, всё можно было узнать...

– Для того, чтобы всё узнать, Интернет не нужен, – возразил Уилф. – Нужен просто приклад. Или даже ножик перочинный.

Он подошёл сбоку к подоконнику, тоже, хотя и без бинокля, осмотрел улицу. По ней тянуло низкий чёрный дым. Лежали несколько трупов, около одного с оглядкой тусовались две собаки – нагуливали аппетит перед ланчем.

Дэни подошёл, толкнул Уилфа плечом, кивнул коротко на женщину, возившуюся у двери с винтовкой.

– Давай подкатимся.

– Чего? – покосился на него Уилф.

– К ней, говорю, подкатимся, – предложил русский. – Я тебе точно говорю, она против не будет. Хочешь – иди первый. Или вместе давай.

– Иди ты! – прошипел Уилф. Дэни зашипел в ответ:

– Ну сколько можно мальчиком-то ходить?! Нас, может, в этой комнате и прихлопнут, так...

– Не предлагай мне этого, – твёрдо и необычайно серьёзно сказал Уилф. – Понял? Если война – это ещё не значит, что всё можно. Не предлагай.

– Придурок, – Дэни покрутил пальцем у виска.

– Сам такой, – огрызнулся Уилф. – Грёбанный русский. Пьяный медведь. Валенок. Бала-лайка. Этот... Тургеев.

– Кто?! – Дэни прыснул, как маленький. Но Уилф не успел выяснить, в чём причина смеха. Женщина подошла, держа винтовку на локте. Кивнула наружу:

– Ну что там... **мальчики?** – и прямо, не смущаясь, обратилась к Дэни. – Между прочим, малолетки мне не нравятся. Они слюнями капают в самый крутой момент и о партнёрше совершенно не думают. Почти все... А вот с тобой, – она повернулась к Уилфу, который смущённо потупился и покраснел, – я бы пошла. Только ты ведь не согласишься, – её грязные, пахнущие порохом пальцы нежно коснулись щеки мальчишки, – и хорошо. Страшно было бы, превратись все вокруг в зверей окончательно... Давайте работать, **бойцы**.

Она прикинула винтовку к плечу и повернулась к окну. Уилф хлопнул Дэни по затылку и шепнул:

– Схлопотал?.. Ешь на здоровье. Твой сектор слева.

– Эх... – вздохнул русский. – А я-то думал, у нас одних осталась духовность и моральные скрепы... так приятно было... Где тут это слева-то? Пальцем покажи, не умничай.

Стоя в глубине комнаты, они приготвилились наблюдать...

...Патруль противника – четверо чёрных боевиков и белый офицер – появился на улице довольно быстро. Женщина-снайпер явно знала, где выбирать позицию. Стрелять она тоже умела – три выстрела слились в одну очередь как раз когда патрульные проходили мимо подъезда; оставшиеся в живых поспешно метнулись в подъезд – очень удачно. Когда снайперша спустилась из комнаты в подъезд, то мальчишки как раз обезоруживали оглушённых врагов.

– Я пойду ещё прогуляюсь в одиночестве, – женщина положила винтовку стволом на плечо. – А вы конвоируйте пленных, – и легко выпрыгнула в пролом – в соседнее помещение, прямо с места, как большая жутковатая кошка. Мальчишки проводили её взглядами и синхронно вздохнули. Потом Уилф, достав складной нож, сказал:

– Я наружу схожу. Я быстро.

– Ты что там делать-то собираешься? – Дэни сноровисто взял руки офицеру.

– А как же дополнительные языки? – хмыкнул Уилф. – Шеф сказал, что надо бы побольше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.